

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале всех миров — Слово.

Оно творит миры, и в нем миры встречаются друг с другом.

*Редактор тома
Нари Ади-Карана*

P.S. Если у вас есть желание предложить свои произведения — мы будем рады. Просто вышлите свои работы вместе с небольшим рассказом о себе по электронному адресу нашего издательства: **skifiabook@mail.ru** с пометкой «заявка на участие в Антологии Живой Литературы». Мы обязательно рассмотрим ваше предложение и ответим вам.

Оглавление

Ирина Иванченко. Я прошел в мире тысячи троп	5
Александр Очеретянский. Графика	31
Ольга Челюканова. Проводы	47
Дарья Бухарова. Старение	77
Валентина Краснопирка. Контекст	99
Лука Шувалов. Ирония и жалость	123
Олег Дэймор. Десять сов	155
Люся Токайрин. Сказки в дорогу	171
Зоя Святогорова-Лиже. Любовь — призвание мое	191
Кайлиана Фей-Бранч. Сказки больших городов	215
Кира Разумовская. Берега	253
Михаил Лебедев. 98-15	277
Роман Белоусов. ГрОфИТ!	301
Ася Солонина. Записки на выдранных страницах	323
Мурат Ибрагимов. Душа	351
Аленка Кошкина. Анатомия души	377
Елена Парамонова. Соки чувства	399
Тимур Т. Любовь и нелюбовь	423
Шри Махадэва Ади Нидана. Осенний маркер	447

Разноцветье

Сергей Грызлов	478
Валерий Коростов	485
Элизабет Райдлин	492
Юрий Краснов	498

Ирина Иванченко

г. Томск

Я прошел в мире тысячи троп

От автора:

Поэт-сетевик honey_violence, настоящее имя Ирина Иванченко. Помимо изучения Востока как основного рода деятельности занимаюсь написанием фанфикшена и стихов, основное направление — переиначенные на новый лад сюжеты всеми любимых сказок, мифов и легенд, классических книг и современных (мульт-)фильмов. На данный момент изданных книг не имею, но храню в своей поэтической копилке несколько побед в местных и интернет-конкурсах, а также ряд публикаций в журналах и тематических альманахах. Активно поддерживаю творческую молодежь города, организовала в 2012 году и по сей день курирую группу юных писателей Томска.

По щучьему веленью

Щука клянется, божится, хвост ее ходит, как ладони, трясущиеся от страха. Говорит, буду тебе невестой, сеть рыболовная вышла с тобой нам свахой. Говорит, буду тебе рабыней, дно океанское крошечное — не скроюсь. Говорит, буду тебе чем хочешь: подругой, судьбой, женою, радостью буду, ушами, чтобы послушать, губами буду — правду среди лжи ведать.

Говорит. Емеля руки в карманах греет, недовольный морозом, сказками щуки, снегом, недовольный жизнью своей, похожей на прозябание, недовольный тем, что хочется, а не может. Он ладони к щуке тянет, та в них влетает, чешуя ее цветная сияет и греет кожу; и не рыба совсем — горяча по-человечьи, и слова ее Емеле кажутся чище истин. Говорит, украшу жизнь тебе, чем захочешь, будет жизнь твоя светлее любого жизни.

И Емеля долго думает, глядя, как щуке душно вне воды, ее родившей, но сердце к посулам глухо — жизнь пустая на печи в бездействии ему слаще.

Он берет ее покрепче и
вспарывает
ей
брюхо.

Люби

Ты, чьи ладони нежны, не изрезаны лезвием волн, ты, чья душа наполнена солнечной теплотой, ты, на чьей шее вьются нитями жемчуга, добытые мной в подарок, будь вместо меня — жена!

Ласку ему дари, тихая, словно штиль, слова ему говори человеческие, свои, которые он поймет, а не забудет, как шум свежий, дикий, морской, затихающий поутру в теплой постели, нег полной — горячий мед!

Нежи его, родная. Оставь мне мой вечный лед.

Времени прекратить этот нелепый бег сможет любой из вас, но не сомкнете век. Русалочью душу не жаль, она, словно пена, пуста. Ничтожна для вас цена — за ноги — ее хвоста.

Обида уснет на дне, обиду укроет ил. Люби его долго-долго, люби его за двоих.

Но только страшись увидеть седые его виски и, зная, что он уйдет, не утешить его тоски, когда, одинокий, выйдет на берег, шагнет в волну —

и миг повторит, в который
когда-то
не утонул.

Победитель дракона становится драконом

Победил двух драконов, третьего не сумел.
Превратиться не смог ни разу, как предрекали,
Мол, дракона срази, проклятье его регалий
Перейдет на тебя, явился раз, глуп и смел.

Я специально сдирал доспехи и голым шел,
Не боясь, без меча кидался, как волк, на зверя,
Я хотел победить, желая, не лицемерил,
Только что-то не так, быть может, с моей душой,

Раз проклятье меня обходит за разом раз,
И драконья душа вселяться в меня не хочет.
Почему только я единственный среди прочих,
И меня обманул предания гнилой сказ?

Третья туша в крови сгнивает у моих ног,
Желтый глаз смотрит пристально-мертво, и режут сталью
Крыльев черных шипы, которые не достались.
Я стою и смеюсь: я смог, да, я снова смог,

Но драконья судьба прошла стороной меня:
Победивший дракона остался, как был когда-то!..
Только правда стеклом драконьего жжется взглядом:
Монстр уже был внутри, и его ни к чему вселять.

Питер Пен

Он прилетает испуганным, покалеченным:
Жернова времени нагнали и изувечили.
Стынет над Лондоном серый, промозглый вечер.

Венди глядит отчужденно и с равнодушиной:
Эти истории видели, знаем, слушали.
Взрослость приходит к каждому. И все рушит.

Мечется в клетки взрослого тела Питер,
Дверь закрывается в детство надрывным скрипом.
Скрипом? Точнее, с воплем надрывным, криком.

Венди, как в кокон, прячет его под пледом,
Кормит его полезным ему обедом
И обещает отправиться за ним следом.

Только в Нетландию путь им уже заказан:
Мы вырастаем. И вырастаем сразу.
Так что моргнуть порой не успеем глазом.

Он по подушке мечется, тихо плачет.
Венди, кричит, что все это, скажи, значит?
Что надо мной стоит, как немой палач?

Венди уходит, закрыв за собою двери.
Правда пришла, пусть ты в нее и не верил,
Так принимай *по-взрослому*, без истерик.

Питер ломается, как куколка из картона,
И больше не молит о светлом, живом «потом»,
Просит добить скорей и забыть на том.

Наутро встает, вливается в строй прохожих.
Он неотличим, он теперь стал на них похожим.
И ты, что читает это,
Однажды.
Тоже.

Башни прячут того ребенка, что поранилась об иглу,
что не выросла дивной розой,

что не просто легла уснуть.

И бездетная королева, и скорбящий седой отец...

Только в сказках, убив дракона, можно ждать

пресчастливей конец,

только в сказках спасают принцы,

феи-крестные всем дарят,

только в сказках любовь такая, что умеет всегда спасать,

побеждать, уничтожив злое силой верности и любви.

Только в сказках счастливых двое.

Ну а в жизни увы.

Увы.

Значит, мне жалеть не нужно ее вдвойне,
Только колет в клетке ребер чертовски сильно,
И не хочется мне цену ей говорить,
Пусть она помочь сама же меня просила.

Варево готово от бед мое,
Выпьешь — и уйдет боль, уже не тронет.
Она преподносит мне алый ком
Вырванного сердца
В своей
Ладони.

Герде

Да иди ты на все четыре отсюда пешей.
Притащила воз роз, а на кой они в царстве мрака,
Где вокруг только лед? Я прошу тебя, Герда, дура,
Зарекаю тебя, прекращай же, ну хватит плакать.

Забирай это все, ни к чему мне твои подарки,
Что в сравнении с тихой поступью Королевы
И ее белых рук подарить мне смогла б простая
Девка вроде тебя? Только тело, да, только тело.

Но что руки твои, озябшие от мороза,
Все в царапках колючих от холода и от ветра,
Что мне ноги твои, истоптанные до крови,
Что от сердца в груди, горящего безответной

Жадной, жалкой, ненужной, мешающей тебе страстью,
Этой нежностью, что и льдины согреть не в силах?
Уходи, пока можешь, о гордая и босая,
Я тебя приходите сюда, в общем-то, не просил.

Как Алену вывели из воды

Как Алену вывели из воды, в доме стало только мрачней, чем было. У Алены бело, как мел, лицо, у Алены сердце давно застыло — что ей муж, глядящий во все глаза, что ей брат, сумевший спасти сестрицу? Ей туда б, обратно, где мать-река протекает, миру живых границей сберегая тех, кто уснул на дне. Вот где дом Аленин, где братья-сестры.

Как Алену вывели из воды, так взгляд стал Аленин и злым и острым, голос же медовым: зовет с собой проводить на реку, достать ей лилий, и река смеется, плеща волной, и зовет уснуть в своем мягком иле.

Как Алену вывели из воды, ни житья, ни счастья — все исчезло. Не дозваться брату сестры родной, не спасти любимую, бесполезно: с кем однажды мир тебя повенчал, с тем тебе вовеки пребыть и присно. У Алены только одна печаль: как себя спасти от постылой жизни, как унять тоску свою по воде, как сбежать, где взять бы тяжелый камень, чтобы не поднять никому из тех, кто ее вернул живым против правил, кто отнял покой ее, тишину, кто забрал из дома уже родного.

Забирай, Иван, у своей сестры воздуха загрудного цепь-оковы, что сплели вокруг сердца ее, как сеть, нежеланье жить, как в клетки горлице. Не держи Алену среди живых, отпусти на реку домой.
Топиться.

Крапива не жжется

Крапива не жжется, не колется, не горит
По тонким рукам вдоль тела, как ветви ив,
Висящим безвольно. Ткала, да не доткала —
Отнялись уставшие пальцы, заранее все решив.

Завыла спустя года молчания: зря, все зря!
Глаза потускнели вмиг, закушен до крови рот.
Пыталась, пыталась, но рубашки не довязать —
Коль не был ты в ней рожден, она тебя не спасет.

Высокий держит забор, такой бы лучше костер:
Шагнуть в него — что ей жизнь теперь, коли не спасла?
Одиннадцать комьев холодной сырой земли.
Одиннадцать птиц, взмывающих в небеса.

Вальгалла

Не боялся меча, не боялся копья в грудину. Даже братского прежде клинка не по-братски в спину. Не боялся вставать на рассвете, не зная, вернется ль к ночи, не боялся за жизнь — у других ведь куда короче, чем дозволили жить ему боги с извечного льда глазами. Он в них верил и каждой истории из сказаний.

Я его повстречал не на поле кровавой сечи, был спокоен и благостен светлый, прозрачный вечер. Я как враг с ним на узкой тропе никогда бы не разминулся, я как друг нашел слов для него и души коснулся, и с тех пор по дорогам далеким страны моих диких фьордов мы шагали вдвоем.

Боги горстью ссыпали годы, умирало вокруг все, мы ж делались лишь сильнее. Он в богах был своих так наивно-светло уверен: без щита шел на пики, без крика, сжимая зубы, принимал свои раны, надеясь, что боги судят не по ранам — по доблести, храбрости и по чести. Мы с ним, если случится, всегда собирались вместе по ступеням Чертога на Одина пир веселый заглянуть отдохнуть. Кто же знал, что случится скоро нам найти туда путь?

Иноземцы чертили знаки и плевали нам вслед, вслед нам лаяли, как собаки, и пинали божков, и топтали дар подношений. За такое ни боги, ни люди не смеют давать прощений. И мой друг отомстил. Умер каждый дурной насмешник, лишь один прошептал на издох ему: «Будешь грешник по моей правде совести да по своим законам». Мой друг тотчас добил его, зубы сведя до стона — нож торчал из груди его, и кровь рукоять ржавила. Он пытался подняться, но не было больше силы. Я помочь ему мог, но свои залечить бы раны — чужеземца удар вероломен был и негадан.

Поля битв пред глазами стояли, манили нас — но пустое. Мы погибли, как прежде хотели — вдвоем, нас погибших двое. Не спустились валькирии. Видно, доблести было мало. Я, глаза закрывая, видел двери святой Вальгаллы. Он, впервые крича, бил о землю рукой ослабшей, не держащей меча, и от этого было страшно. Не спустился за нами никто. Где же шаг валькирий? Где же боги его, на кого мы всегда молились?

Я сажусь рядом с ним, он молчит, и немая жалость — это все, что досталось нам с ним, что ему досталось от меня, не богов его старых, закрывших наверх ступени, словно долгая жизнь миг последнего преступления не омыла отвагой, не скрасила грех последний.

Он Вальгалле своей до конца оставался верным. Он к

*Вальгалле своей путь рубил топором и гневом.
И Вальгалла манила своим бесконечным небом...*

В недрожимости этой мы смотрим в него, но тщетно.
И врагов, и свои тела стали щепоткой пепла сотни
весен назад, но молчат небеса стальные вечной
серостью фьордов.

Просили мы как, молили!..

О твоей златостенной и вечной, святой Вальгалле
нам солгали, мой друг,
нам с тобой так жестоко *лгали*.

Гефсиманский сад

Ты — олива восьмая, растущая в том саду,
Где гробница Ее, пустующая столетья.
Я пришел к тебе помолиться, прижавшись лбом,
Но ушел, как Фома, что, явившись, увы, не встретил

Ту, к которой пришел — только гроб, только белый гроб,
Равнодушно-холодный под взглядом, таким же ставшим.
Ты роняешь на землю выцветшие листья,
Я себя опускаю рядом душой уставшей,

Чтобы вместе с тобой обернуться опять землей,
Чтобы цепью ладоней сомкнулся небесный купол
Гефсимании вечной, не прячущей тела той,
Что в ответ на молитвы протягивает нам руку,

Но слезы не утрет — очистительна сила слез.
Сколько плакалось ей, прежде чем даровались силы...
Я молчу, глядя в небо, и небо глядит в меня,
И касаются лба, словно пальцы, листья оливы.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru